

па пациента. Через пять листов они (насилу-то!) перерываются появлением вестей комнатного новоя, которое, выдержав прилично подробное описание, начинается разговор, который (по слову весть, промолви объяснен автор) знакомит нас с характером героя; содержание разговора: герой говорит: „я скажу“ (или „я влюблен“) и если читатель не знает по — русски то из разговора, знающего пять страниц, познакоmitsя с значением слова „скажу“ (или „влюблен“). Конечно, все это было бы прекрасно, если бы не было рывительно излишне, и бессмысленно и пусто. Впрочем, осуждая не насмеемся: все переперут нами листы написаны прекрасным слогом. А моему кажется быть из этих холодных, безжизненных, ничтожных двадцати или тридцати страниц и состоялись бы из слова, изощренная блестящая или пошлота наблюдательности страница, а может быть автору больше дорожить терпением читателей или хотя бымаго, нежели рублями и изуродовать своею слога... Иногда приходится охота представить осязательное доказательство того, какой вред приносит расхожее слово, какой интерес, силу и даже красоту придает сжатость, сдвигание изъ какой нибудь растнутой пошлости, прошедшей незаметно, „названием“, „эксстракт“, который бы выказал ее достоинство, погибшая из пучины моголовья“. (Критическая статья Чернышевского стр. 53—56).

Горюх пухлых романов, что социально, систематически пренебрегает всеми этими соображениями и никак не хочет согласиться с тем, что „в могологосланцы есть спасения“.

Напрасно... Н. Ч.

[illegible]